

Часть 1

Глава 1

Аеди Лоралею под усиленной охраной доставили в спешно выделенную для нее палатку. Я проводил отряд угрюмо-властным взглядом, сердце тревожно ноет, как дерево со снятой корой, чувствительное даже к легкому ветерку.

Лорды поглядывают на меня с неодобрением. Кажется, уже многие с затаенным дыханием ждут, когда же сдуется непобедимый Ричард Длинные Руки! Эти истошные вопли, что утих, завял и даже лопнул — слышу давно, и такое все громче, а я всего лишь отлучился на Юг, потому на Севере обо мне ничего не слышно. Мол, ну не может человек идти так долго без поражений! Все уходят на покой после двух-трех громких побед. Лучшие из лучших, удачно стартовав, затухали после пяти-шести походов...

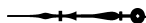
Это другие не могут, подумал я злобно, перевел дыхание и постарался расправить спину. Я вам, гадам, еще покажу! Еще долго придется кусать локти и бессильно пищать под моим тяжелым сапогом с золотыми рыцарскими шпорами, что вот уже окончательно, совсем окончательно сдулся!

Голос барона Альбрехта ворвался в мои мечущиеся, как стая воробьев в горящем сарае, мысли:

— Сэр Ричард, но что с этим прекрасным призом?

Я огрызнулся:

— А что вам непонятно?

— Многое, — ответил он нейтральным голосом. — Лорды, может быть, и скажут спасибо... потом, когда-нибудь, может быть... хотя и не верится в такое, но вам самому нужны эти заботы?

— Мне вообще-то никакие не нужны, — огрызнулся я. — Я натура беззаботная и необремененная. И прожил бы без забот и нагрузок, если бы не криворукие. Одна криворукость, куда ни плюнь. Что делать, что делать!.. Да выдать ее замуж за стратегического противника! Хорошо бы за Гиллеберда... Тот еще гад.

— Женат, — сообщил сэра Растер деловито. — И жена у него в порядке. В смысле, вторую и близко не подпустит. Разве что совсем кривую какую... Нет, и кривую не подпустит. Кривые — они в одном кривые, в другом совсем наоборот...

Я отмахнулся.

— Да это так, мысли вслух. Пока препроводите в какой-нибудь замок. Не оставлять же в лагере... Мужчины взбесятся. Гормоны у нее такие, что ли? А там придумаем. Других дел выше крыши.

Растер перекрестился и спросил опасливо:

— А может, эта женщина — сам дьявол? Ишь, два таких разумных лорда сошлись в никчомушной кровавой резне!

Сэр Норберт пробормотал:

— Но дьявол вроде бы самец? Да еще какой...

В его угрюмом голосе послышалась зависть. Растер ликующе воскликнул:

— Вы что, не слыхали, дьявол часто принимает женский облик, чтобы сбивать с пути праведного отшельников и аскетов?.. и таких праведных рыцарей, как вот вы, сэра Норберт?

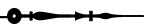
Норберт буркнул:

— Не слыхал. Что, правда?

— Почитайте труды святых отцов!

— Как же, как же, — пообещал Норберт, — обязательно почитаю. Непременно. Как только, так сразу... И что там в тех трудах? Барон, вы человек ученый, вы тоже читали?

— Естественно, — откликнулся Альбрехт невозмутимо и указал на Растера: — Как и наш дорогой сэра Растер: от корки и до корки!

Норберт в изумлении повернулся к Растеру:

— И что там?

— Интересно, — сообщил сэр Растер значительно. — Это ведь Священное Писание, а не... словом, ага. Я, правда, буквы все пропускал, но картинки посмотрел, посмотрел! Битвы всякие, замки, кони... Все понять можно, если всматриваться. А насчет дьявола я вам авторитетно скажу, если он даже козлом перекидывается, то почему не женщиной? Чем женщина хуже?

Норберт пробормотал:

— Козел — тоже мужчина, все мы козлы, если уж... но женщиной... гм...

Растер ахнул, вытаращил глаза.

— Сэр Норберт, а как же содомия? Дьявол на то и дьявол, что ему без разницы!.. Так что вполне, вполне дьявол может перекинуться женщиной. Ему ж не для удовольствия, это работа у него такая — пакостить человеку! А проще и легче всего человеку пакостить — прикинуться женщиной. Говорит же старинная мудрость, запечатленная в древних рукописях: Бог создал три зла: бабу, черта и козла.

Все трое, даже барон Альбрехт, перекрестились, дружно поплевали через плечо и потрогали амулеты, соединив христианство, язычество и черную магию, ибо белой, как известно, не бывает.

Сэр Растер подумал и сказал твердо:

— Нет, это никакой не дьявол! Это настоящая женщина. Подлинная.

Норберт спросил с недоверием, умственные способности Растера ставит не слишком высоко:

— Почему так решили?

— Мудрые люди говорят, — ответил тот с тяжеловесной обстоятельностью, — что где дьявол сам не сможет, туда женщину пошлет! Ему не надо перекидываться женщиной, это все враки. Настоящая женщина всегда искуснее дьявола.

Я слушал с раздражением, о чем бы мудром и высоком речь ни зашла, всегда перейдет... перейдем на баб-с, такое нужно пресекать вовремя, но тут и сам заслушался.

— Все! — сказал я решительно. — Жаль, моя крепость

для жилья еще не очень, так что леди Лоралею надо разместить поближе к нам, но в пристойном месте.

Растер подумал, предложил рассудительно:

— Тогда в замке Кнаттервиль. Он небольшой, но там уютно и чисто.

— Кнаттерфель? — переспросил я.

— Нет, — поправил он несколько удивленный, — Кнаттервиль.

— А-а-а, — сказал я, — тогда ладно.

— Что-то не так?

— Все так, — ответил я. — Вези в Кнаттервиль. Надеюсь, там уютнее, чем в том проклятом... Все время гроза громыхла да покойники вылезали... Главное, что это близко к нам и далеко от графа Арлинга и барона Кристофера. В том замке содержать под охраной.

— Усиленной, — подсказал барон Альберт.

— Усиленной, — повторил я автоматически. — А у нас другие дела. Великие! А женщины к великим никаким боком.

— Боком — это да, — подтвердил Растер знающе. — Боком это вообще непонятно что за выверт. Я и женщин таких не видел...

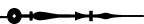
Они снова начали о бабах, а я поехал готовить войско в обратный путь.

Под усиленной охраной леди Лоралею временно перевезли в Кнаттервиль, замок, по отзывам, маловат и хил, но сейчас нет войны, а леди Лоралея пробудет там недолго, пока не решу ее судьбу. Надо будет посоветоваться со знатоками вроде Растера и Альбрехта, как лучше поступить и что сделать, дабы интересы всех были учтены.

Или задеты в наименьшей степени.

Как я понимаю, интересы ее родителей можно вообще не учитывать. С тех пор, как она пошла по рукам, они наверняка махнули на нее рукой. А то и перекрестились за ее спиной.

На всякий случай я велел, если есть необходимость, укрепить ворота и увеличить стражу в ключевых точках на стенах.

Барон Альбрехт вдогонку распорядился отремонтировать стену, я поблагодарил его мысленно: хоть кто-то берется отдавать неприятные хозяйственные приказы помимо меня, вечного эксплуататора.

Я в перевозке этого факела войны не участвовал, не по чину гроссграфу такой фигней заниматься. С частью войска сделал марш-бросок, к своей крепости.

Подсвеченные желтыми огнями облака плывут очень медленно, зато плотно, как стадо пасущихся овец. Солнце проглядывает редко, как раз в такое мгновение мы увидели далеко впереди мою крепость: вспыхнула под прямыми лучами, словно игрушечный замок, выточенный из цельного куска янтаря.

А ведь в самом деле из цельного куска, мелькнула мысль. Только это не янтарь, а перестроенный не то гранит, не то вообще нечто, лишь напоминающее камень.

Крепость приближалась, росла, и яснее становились ее исполинские размеры, где во внутреннем дворе легко поместится немаленький город.

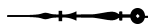
Народ высыпал навстречу с ликующими воплями, я улыбался и отечески поводил по воздуху рукой. Что означает этот жест, не знаю, но видел, что так делал Барбаросса.

Бобик унесся инспектировать кухню, Зайчик ушел за коныухами, те шепотом сообщили ему, что припасли горсть гвоздей и полдюжины сломанных подков. Я, на ходу в свои апартаменты, велел вызвать Миртуса. Когда он прибыл, я строго поинтересовался, составил ли он по моей просьбе — да-да, просьбе! — подробнейшую карту с опасными для человека местами, где либо обитают опасные твари, либо там что-то коварное, вроде Зыбучих Камней, скукоженных долин, Гиблых Рощ, исчезающих озер, просто огненных трещин, к которым лучше не приближаться, а также всяких подозрительных сел, где либо могут водиться оборотни, либо все жители там оборотни, перевертни и волкодлаки.

— Все готово, ваша милость, — заверил Миртус. — Я только ждал, когда вспомните и возалкаете.

— Что за возалкаю? — спросил я с подозрением.

Он чуть смутился.

— Это я стараюсь осваивать и церковные слова. Священники любят, когда вот так...

— Возалкаю, — сказал я твердо, — не то слово. Подозрительное какое-то. Возжелаю — другое дело. Даже возизволю! Ну вот, возжелал и возизволил. Давай!

— Сейчас принесу...

Карту опасных мест я изучал куда внимательнее, чем любовью бы из рыцарей. Не потому что трус, хотя свою шкуру очень ценю и не хотел бы лишней раз получить молотком по пальцу, но мне придется чаще других мотаться из конца в конец Армландии, а на Зайчике с разгону могу вскочить в какую-то большую неприятность. Хотя, конечно, могу и проскочить...

— Ну лучше не вскакивать, — проговорил я вслух. — Спасибо, Миртус! Как дела у магов-естествоиспытателей?

Он торопливо поклонился.

— Ваша светлость, некоторые с помощью магии сна себя лишили!

— Зачем?

— Чтобы подольше заниматься работой.

— Чревато, — изрек я. — Быстро перегорят. Пусть соблюдают рабочий режим. Передай как пожелание, а не приказ! Я хочу, чтоб их хватило надолго. А то есть такие, что сперва с головой в работу, а потом бросают все и по бабам, и по бабам... Закон маятника, не слышал?

— Нет, ваша светлость.

— Услышишь, — пообещал я. — Сволочной закон. Так что береги наших магов-естественников.

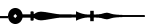
Он снова поклонился.

— Все сделаю, ваша светлость.

— Но не дави, — предупредил я. — Наука не терпит насилия.

Он попятился, кланяясь, как раб перед лицом восточного деспота. Я морщился, Миртус никак не может себя найти в новой роли, предпочел бы сдать властные полномочия, но я теперь понимаю тех высоких политиков, которые держат на руководящих постах не самых способных, а самых преданных.

Едва он скрылся за дверью, я хлопнул в ладоши. Прибе-

жал оруженосец, поклонился быстро и преданно, но с достоинством верного щенка.

— Мое повеление, — сказал я. — Нет, просьба, понял?.. Пригласишь в главный зал сэра Растера, барона Альбрехта, не забудь пригласить отца Дитриха, сэра Максимилиана, барона Варанга, графа Ришара...

Пока я перечислял наиболее отличившихся соратников, военачальников и знатных лордов, что приняли участие хотя бы в заключительном походе, он поклонился и сказал просительно:

— Может быть, в малом зале?

— А стола здесь еще нет, как погляжу. Будем пить, как на привале?.. Но это поправимо, я сам распоряжусь и прослежу. А что в большом?

— Ничего, — признался он. — В смысле, пусто.

— А в малом?

— Тоже ничего, но туда легче принести стол и кресла. Все поместятся. И уютнее будет.

— Ну, смотри, — сказал я милостиво и в то же время с угрозой. — Старайся! Все будешь делать хорошо, сенешалем поставлю. Главное, не бойся проявлять инициативу. Как вот щас...

Через час в холодный и пока что абсолютно голый зал входили мои орлы, довольные и гордые, одни в роскошных праздничных одеждах, другие в практичной походной, что хороша на все случаи жизни, а Растер так и вовсе явился, гремя и бряцая железом на плечах, голове, поясе и в наколенниках.

Наконец явились Варанг и Ришар, уже в походной одежде, готовые к отъезду в свои земли, пришел бодрый и всегда готовый к драке Митчелл. Отец Дитрих вошел последним. У него все поспешно испросили благословения, он перекрестил всех, на меня поглядывал вопросительно.

Я указал на середину зала.

— Первый стол уже сколотили, сейчас принесут. Сидеть пока что придется на табуретках. Но мы ведь рыцари, заноза в заднице для нас не смертельна. Прошу садиться!

Барон Варанг остановился, осматривая стол и стулья.

— Где садиться?

Я отмахнулся.

— Пока табличек не заготовлено. Садитесь, кому где табуретка покажется надежнее. Или где заноз меньше.

— А вы, сэра Ричард?

— Сяду туда, где останется место, — ответил я сварливо. — Барон, мы судьбы вселенной решаем, а вы о каком-то гребаном этикете! Мы же мужчины, женщин нет, о каком этикете речь?

Граф Ришар сдержанно усмехнулся, на меня поглядывает с любопытством, словно видит впервые. Отец Дитрих перекрестился.

— Да, сэра Ричард прав, — сказал он поспешно, — глубоко прав. Это великое счастье, что здесь одни мужчины.

— Можно даже перднуть, — сказал Растер счастливо, — а не душить шипуна. Что-то в нашем чисто мужском рыцарском братстве есть, есть великое, благородное и свободное...

Барон Альбрехт брезгливо повел носом, вздохнул и пересел на другую сторону зала. Сэр Норберт помотал головой, громко зевнул.

— Простите, — сказал он виновато. — Только собирался соснуть...

Отец Дитрих с неодобрением покачал головой.

— В полдень? Сын мой, всякий повод для лени есть повод для греха.

— Я трое суток не спал, — возразил Норберт. — Чуть с коня не упал...

Растер поддержал одобрительно:

— Я слышал, слышал, что вы тогда сказали! Не стесняйтесь, сэра Норберт! Богохульство дает такое неслыханное облегчение, какого не может дать никакая молитва.

Я похлопал ладонью по столу. Все посерьезнели, повернули головы. Я оглядел их, стараясь выглядеть старым и мудрым.

— Когда человеку, — заговорил я веско, — лежать на одном боку неудобно — он перевортывается на другой, а когда жить неудобно — только жалуется. А ты сделай усилие: перевернись! Мы вот взяли и перевернулись... Заодно и Армландию перевернули.

Отец Дитрих кивнул.

— Хорошо сказано, сын мой. Хотя я где-то это уже и слышал.

Я сказал уязвленно:

— Мудрые мысли приходят не в одну-единственную голову на свете, отец Дитрих. Но не будем отвлекаться. Наша миролюбивая Армландия никому не грозит, а сама занимается мирным трудом и... сосредотачивается. Нам нужно сперва зализать раны войны... к которым настолько привыкли, что вроде бы уже и не раны. Одновременно займемся воинской реформой, существующая система никуда не годится. Армландской армии, как таковой, вообще-то и нет, хотя воюем постоянно. Следующим шагом будет некоторая осторожная экспансия нашего влияния... Конечно, культурная, а вы о чем подумали?

Растер посмотрел с непониманием.

— Что за... экс... канция? На кого нападём?

— Меня здорово раздражает этот Хребет, — заявил я. — С одной стороны, защищает от вторжения южных соседей, там довольно крупное королевство Кейдана и... гм... богатое.

Растер оживился.

— Богатое? Вы хорошо смотрели, сэр Ричард?

— Хорошо, — заверил я мстительно. — Но, увы, в нашем мире богатство обычно идет рука об руку с могуществом. Так что это мы должны благодарить Хребет за его защиту, а не кейдановцы. Однако я придумал, как сделать так, чтобы мы могли выходить к океану свободно, а вот оттуда к нам... только через наши таможи.

В зале воцарилась тишина. Все смотрели с ожиданием в глазах, Растер спросил прямо:

— Как?

— По зрелому размышлению, — заявил я веско, — Хребет я решил не убирать. Пусть стоит. Это значит, граница на замке. Но один таможенно-пропускной пункт надо сделать. В смысле, прорубить окно к океану. По сути, ни одно великое государство не считается великим, если не имеет доступа к большой воде.

Все смотрели ошарашенно, барон Варанг и граф Ришар сблизили головы и тихонько переговаривались, часто по-

сматривая на меня. Митчелл помалкивал, он вообще ни над чем не ломает голову, а Растер спросил обалдело:

— К-какой воде?

— К океану, — объяснил я любезно. — Или к морю, что то же самое, если море — море, а не большое озеро.

Растер потер широкой ладонью каменный лоб, там закрипело, словно водили наждачной бумагой. Глаза стали совсем озадаченными.

— Нет... — промычал он, — я это... не понял. Как прорубить окно к океану? Я понимаю одно: с мечом в руке, а лучше с топором, прорубиться через ряды врага...

— Мы уже строители, — объяснил я. — Давидостроители и реформаторы. И сменим боевые топоры на плотничьи... или чем там они камень рубят? Конечно, иносказательно сменим. Вы ж Библию, говорите, читали, а там одни иносказания, хрен что разберешь!.. Так что вам все понятно. Ну, почти все.

Глава 2

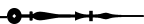
Они смотрели с непонимающими лицами, а я жестикулировал коротко и скупно — так выгляжу энергичнее, лорд всегда должен видеть себя со стороны, как в зеркале, а еще следил за всеми разом и за каждым в отдельности — такова судьба того, кто наверху.

Барон Альбрехт осторожно обронил:

— Сэр Ричард, вы задумали расширить существующий Перевал?

— Углубить, — осторожно поправил Макс и посмотрел на меня с обожанием. — Разве такое возможно?

— Человек все может, — заверил я. — Такие дурости иногда творит, на голову не лезет... Но мы углублять не будем. Мы вообще-то по натуре не углубленцы. Пусть алхимики и всякие грамотные углубляются, а мы пойдем другим путем. Зачем нам весь Хребет перерезать ущельем? Для эстетики, как египетские пирамиды? В то же время существующий Перевал не слишком популярен из-за некоторых трудностей при переходе...

Барон Варанг спросил с интересом:

— И что вы задумали?

— Прорубить тоннель, — объяснил я весомо. — Таким образом будет прямой доступ к королевству Кейдана. А самое главное — прорубим окно в... словом, к океану. Тоннель будет начинаться здесь, в Армландии, так что все северные королевства, которые восхотят получить допуск своим товарам на Юг, должны будут платить нам за транзит. А также восточные и западные. И за топтание земли нашей, естественно.

Он покачал головой.

— Я опущу сложности, связанные с прорытием такого тоннеля, это займет лет семьсот-восемьсот, скажу только, что с той стороны тут же хлынут армии южных королевств.

Я вскинул ладони вверх и заулыбался.

— Во-первых, на той стороне только одно королевство, а дальше океан. Во-вторых, небольшую, но очень весомую часть тех земель занимает герцогство Брабант...

— И что?

— Я в нем наследник, — ответил я скромно, — мой голос там тоже что-то значит. К тому же герцогство расположено так, не стану вдаваться в тонкости, что вторгнуться в него — гиблое дело.

Граф Ришар на глазах посерьезнел, задумался, Варанг помалкивал, как и остальные, только барон Альбрехт громко вздохнул, лицо омрачилось.

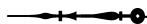
— Сэр Ричард, скажу честно, у вас велик авторитет благодаря одержанным победам. Но ни один лорд не даст и человека для этих, как вы их называете, общественно-полезных работ. Камень придется ломать десяткам поколений! Увы, у всех есть более неотложные задачи.

Сэр Норберт сказал мечтательно:

— Тоннель под Хребтом пробить под силу только великим магам.

— Таких ныне больше нет, — согласился отец Дитрих и перекрестился. — К славе Господа и силе Его.

Я сдержанно и примирительно улыбнулся, дескать, это были только мысли, а не решения, тем более — не указания, так что не забывайте наливать кубки, у нас пир, после которого все разъезжаются по своим землям и владениям.

И пир продолжался, а я, улыбаясь и поднимая кубок при каждом очередном тосте, напоминал себе, что у гротсграфу власти никак не может быть больше, чем у короля, а короли не в состоянии принудить феодалов даже в войне участвовать столько, сколько нужно. Или сколько желает король: две недели, как записано в хартии вольностей лордов, — и все! В разгар войны такой лорд сворачивает знамена и со всем своим войском преспоконно отправляется домой.

Тем более не смогу вывести ни народ, ни лордов на великую стройку. Каждому свой огород ближе. Великие свершения возможны, когда вся власть в руках просвещенного тирана. Петр Великий так строил город своего имени, дядюшка Джо рыл Беломор-канал, Волго-Дон, прокладывал БАМ, а начало положил Айвэн Террибл, придумавший опричнину, прообраз славного Чека...

Я вздохнул, я же демократ, мне даже думать о таком нельзя, хоть и очень хочется, и весьма сладостно представить всю власть в своем недрогнувшем кулаке: все запишите у меня, сволочи!

Слуги неслышно убрали посуду и сменили скатерть, для пожирания сладкого нужны золотистые и оранжевые цвета, музыканты заиграли что-то легкомысленное, но сэр Растер сердито цыкнул, чтобы умолкли: из-за дурацких трелей не слышно благородного чавканья.

Я мучительно подсчитывал свои ресурсы. Если вложить все золото и драгоценности, что у меня остались, смогу оплачивать работу довольно большого числа людей по разбору завалов.

Но на мне еще и крепость, опора Армландии, не крепость — голый скелет, на который нужно и мясо наращивать, и внутренности чем-то заполнять. Если брошу золото на раскопку тоннеля, не смогу закупать продукты, кожи и все необходимое для функционирования сложного организма выстроенной мною крепости.

Слуги снова наполнили лордам кубки, сэр Растер сразу сделал мощный глоток, проверяя, из того ли подвала подали лордам, а то себе могли припасти выдержанное, а хозяевам подать бурду, мол, уже перепились, не разберут. Барон Альбрехт поглядывает на меня, но помалкивает.

— Хорошо, — ответил я со вздохом. — Я понимаю, когда война, я — главнокомандующий, ну а так я всего лишь один из лордов. И хозяйствую на своих землях сам... Что ж, постараюсь решить эту проблему в одиночку. Тем более что вход в тоннель начинается на моей земле. Но, предупреждаю, в этом случае тоннель будет моей личной собственностью.

Все тут же поспешно и с облегчением согласились, только барон Варанг заметил с сочувствием:

— Сэр Ричард, нам очень не хотелось бы, чтобы вы надорвали силы в каком-то безумном предприятии.

Я прищурился.

— Полагаете, пришло время от меня откреститься?

Он ответил с легкой улыбкой:

— От этого предприятия отрешиваюсь.

— Баба с воза, — ответил я, — телеге легче.

— Надорветесь, — сказал он серьезно. — Я же говорил, наступит момент, когда успехи вскружат голову. Настолько вскружат, что решите, будто вам все по плечу...

Я заставил себя засмеяться как можно более легко и беспечно.

— Вы знакомы с бароном Альбрехтом? Вот он предупредил, что он со мной лишь до тех пор, пока мне сопутствует успех. Для меня это вполне приемлемое соглашение, сэр Варанг.

Все оглянулись на Альбрехта, тот застыл на миг с гусиной лапой в руках, но, видя что все внимание приковано к нему, не растерялся, с достоинством поклонился.

— Сэр Ричард, я подтверждаю сказанное, однако искренне желаю, чтобы вы продержались как можно дольше. Это и в моих интересах.

— Думаю, — ответил я, — вам еще придется ахнуть.

По его лицу видел, что если и ахнет, то от жалости, видя, как падаю в яму, что вырыл себе сам, но он смолчал и удалился в себя, даже за столом и на пиру подтянутый и строгий, наблюдающий за собой со стороны, сверху и вон с того балкона.

Граф Ришар загадочно улыбнулся, но снова смолчал. Я уже слышал, как он сообщил ближайшим рыцарям, что это его

последняя кампания, отныне повесит меч на стену и будет разводиться коней.

Отец Дитрих всякий раз таинственно улыбался, поглядывая на меня, наконец сказал громко и торжественно:

— Сэр Ричард, я для вас лично получил послание из Ватикана...

— Ого, — вырвалось у меня. — Быстро как!

Рыцари оживились, вытягивали шеи, рассматривая обычно молчащего Великого Инквизитора. Он загадочно улыбнулся.

— С оказией. Иногда удается в самом деле быстро.

Он бережно развернул шелковый платок с вышитыми вручную непонятными значками по краям. В центре блеснул небольшой крестик на тонкой цепочке.

— Это крест святого Антония, — произнес он с великим почтением. — Вообще-то церковная реликвия, Ватикан не любит такие выпускать из рук...

— Так чего же? — спросил я опасно.

Он сказал строго:

— Во-первых, вы сделали очень много для церкви, отпечатав Библию. В Ватикане это оценили даже выше, чем я ожидал. Там в самом деле мудрые головы, заглядывают далеко вперед. Есть целый отдел таких особых священников, что только заглядывают вперед... Во-вторых, вы в самом деле на переднем крае борьбы с Врагом. Вам понадобится защита.

Я бережно и с почтением принял обеими руками платок с крестиком на нем. Рыцари шумно захлопали в ладоши, отец Дитрих взял реликвию и повесил мне на грудь, упрятав деловито под рубашку.

— Он против чего? — спросил я.

— Только от нечисти, — ответил отец Дитрих с легким вздохом. — А сейчас как раз наоборот... на первый план выходит борьба с людьми, которые тоже в какой-то мере нечисть. На них, увы, сила святого креста не действует. Разве что как укор.

— Да уж, — согласился я. — Есть человек нечисть, то это всем нечистям нечисть. Любая нечисть удавится от зависти!..

Вечером, после шумного пира в честь завершения объединения Армландии, некоторые лорды, в том числе и барон Варанг, сразу же и отбыли, несмотря на близкую ночь, другие остались допировывать. Отбыл и Митчелл, сказав напоследок, что мне стоит только свистнуть, он тут же появится с его разросшимся — слава лорду Ричарду! — отрядом.

Сэр Будакер, в отличие от всех, достаточно церемонно попросил разрешения отбыть в пожалованную ему землю. Этот никогда не забывает скрупулезно напомнить, что это не его земля, а все еще моя, только пожалованная ему в пользование, выгодно отличаясь от остальных, что буквально с первого же дня начинают чувствовать себя не управителями, а полными хозяевами.

— Конечно, — сказал я с готовностью, — конечно, сэр Будакер! Вы сделали очень много. Если бы все так служили Отечеству, у нас была бы держава от можа и до можа. Приводите в порядок земли, я прекрасно помню, вам досталось довольно запущенное хозяйство...

Он скромно улыбнулся.

— Но достаточно обширное, сэр Ричард. Спасибо! И земли там плодородные.

— Вы еще понадобитесь, — пообещал я. — Возможно, скорее, чем думаете...

Он всмотрелся в мое лицо.

— Из-за женщины?

Я удивился:

— Какой?

— Которую отняли у сэра Арлинга. Или Кристофера, не помню.

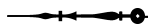
Я отмахнулся.

— Я уже и забыл о ней. У меня более грандиозные планы. Теперь моя женщина — Армландия! Прекрасная и гордая, самолюбивая и неблагодарная, но я хочу заботиться только о ней.

Он вздохнул с облегчением.

— Я рад, что ошибся. А то уж подумал...

Я сказал усталым, разочарованным голосом мудрого человека:

— Сэр Будакер, вы же прекрасно знаете, что все женщины одинаковы...

Он серьезно посмотрел на меня с таким видом, словно всерьез ожидает услышать что-то умное.

— Все ли?

— Все, — ответил я решительно.

Он проговорил осторожно, явно колеблясь:

— Ах, сэр Ричард... если бы я не боялся разбередить вашу рану, я бы напомнил...

— Что? — спросил я настороженно.

Он посмотрел с вопросом в глазах, насколько я крепко стою на задних конечностях, сказал мягко:

— Напомнил бы о леди Беатрисе. Вы страдали, сэр Ричард, не отпирайтесь!

Я оцепенел на мгновение, по телу прошла волна, сладкая и болезненная одновременно. Перевел дыхание и ответил уже медленно:

— Там иначе...

Он покачал головой.

— Насколько? Если все женщины одинаковы?

— Леди Беатриса не женщина, — выговорил я наконец. — Я увидел в ней личность. А женщины в самом деле одинаковы все. И потому нам проще пойти воспользоваться служанкой, чем сперва исполнить хоть какой-то сложный и ненужный, если честно, но почему-то обязательный ритуал с ее госпожой. Я был в непуганом краю дураков, которым ничего другого в жизни не осталось, как заниматься этим самым делом. Так вот они, чтобы как-то заполнить пустоту... ибо человек нуждается в чем-то выше, чем простое совокупление!.. придумали сложнейшие ритуалы по обольщению, соблазнению... потому что в конце всех этих ухищрений всех нас ждет простой и незатейливый коитус, как у собак. Так вот, чтобы не как у собак, долго и очень изощренно сперва играют, приближаясь к этому простенькому коитусу мелкими шажками, распаяя себя ожиданием!

Он пробормотал:

— Непуганом краю дураков... Хорошо звучит! Но не поверю, сэр Ричард...

— Во что?

— Что вы их не попугали.

Я отмахнулся.

— Попугал, как без этого? И не хотел пугать, но так получилось. Из меня пугатель куда лучше получается, чем государственный деятель с мудрым взором и отеческой улыбкой. Так вот женщины ниже пояса все одинаковы. Как и мы, кстати. Различия начинаются выше.

Он изрек глубокомысленно:

— Да, сиськи у всех разные...

— Я не о сиськах, — сказал я сердито. — Хотя, конечно, сиськи — это важно. Сиськи — лицо женщины. Но если она личность, то даже размер сисек как-то уходит на другой план. Женщину начинаем ценить за то, что у нее выше женщины! Как и нас ценят не за то, какой размер у нас в штанах... Господи, мы даже жеребцов ценим за их силу, выносливость, скорость, а уж людей? В леди Беатрисе меня поразила сила духа... в такой маленькой и хрупкой женщине дух, как у исполина! У меня душа рвалась... и до сих пор капает кровью, когда это хрупкое существо сталкивается с трудностями и преодолевает их сама, не желая быть в роли всего лишь женщины, игрушки в руках сильных мужчин! Только такие достойны любви и восхищения. А те, которые просто женщины... Ну, не знаю, для гаремов разве что?

Он улыбнулся, отступил с поклоном.

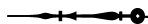
— Отбываю в спокойствии. Как только понадобится, шлите самого быстрого гонца!

— Спасибо, сэр Будакер. Я в вас уверен. И вы в свою очередь можете на меня полагаться.

Глава 3

В типографии сильно пахнет смолой, красками, вареной бумагой, ее готовят из тряпок, мощно и безостановочно потрескивает пресс. Несколько могучих мужчин, обнаженных до пояса, ходят по кругу, как волю на мельнице, поворачивая гигантское колесо с выступающими рукоятями.

Я сделал знак, чтобы работу не останавливали, мне кла-

нялись, не отрывая рук от колеса, навстречу зашпешил Миртус, тоже кланяясь часто и пугливо моргая.

— Натворил что? — спросил я негромко.

Он помотал головой.

— Нет-нет, ваша светлость! Все хорошо, даже опережаем график!

— Так чего ты какой-то?..

Он спросил жалко:

— Какой?

— Не такой, — ответил я. — Нет в тебе фильдеперсовости!

— А что это?

— Не знаю, — признался я. — Слышал как-то... Слово больно красивое. И таинственное, как марципан или еще что-то волшебное.

Он понурился.

— Какой из меня фильдеперсовый?

Я сказал с неудовольствием:

— Миртус, все хочу спросить, что ты какой-то тихий и пришибленный? Никогда от тебя не услышишь ни возражений, ни даже подсказки.

Он ответил с поклоном:

— В старых книгах сказано: если ты мудр, не противоречь богачу, правителю, ребенку, старику, аскету, мудрецу, женщине, дураку и учителю.

Я добавил нравоучительно:

— И гроссграфу. Но обсуждать с ним и спорить можешь и должен! Даже обязан, это твое гражданское право... Надо будет как-нить на досуге составить свой кодекс Юстиниана. Не перечить, а спорить! Спорить можно, понял?..

Он переспросил несколько растерянно:

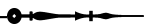
— А как это: спорить, но не перечить?

Я подумал, отмахнулся.

— И я пока не вижу разницы, но она ж есть? Есть. Должна быть. Так что право спора за тобой. В споре ты можешь мягко поправить меня... но только мягко, морда!.. деликатно указать на более короткий и менее ухабистый путь.

Он кивал, лицо становилось все несчастнее.

— Да-да, ваша светлость...

— Ты же теперь не просто забытый маг, — напомнил я строго, — от которого требуют побыстрее переплавлять свинец в золото. Ты уже руководитель!

Он улыбнулся искательно, на меня посматривал снизу вверх вовсе не из-за нашей разницы в росте: будь он на коне и тогда бы ухитрился смотреть снизу.

— Ваша светлость, — произнес он умоляюще, — не мое это... Вы пригласили инквизиторов, а меня от одного их вида трясет сам не знаю как. Так и кажется, что присматриваются... вот бы пригласили еще и своих магов!

— Так ты ж сам пригласил, — напомнил я. — Куча приехала.

Он сказал умоляюще:

— Они тоже не хотят командовать.

— Почему?

— Каждый чего-то стремится добиться в своем тайном... или не тайном деле!

— Ну-ну, — ответил я сварливо, — все дерутся за власть, только вы, чертовы маги, от нее отбрыкиваетесь? Ладно, чё-нить придумаю... Но пока давай руководи. Понимаешь, из тех, кто рвется руководить, не всегда получают эти... руководители.

Он вздохнул.

— Понимаю.

— Вот я, к примеру, — сказал я, — красавец, умница, весь из себя, а руководить не люблю! Как и ты. Но — приходится. И уже наруководил лучше, чем любители... Надо, Миртус, надо! Будь проще с людьми, и тролли к тебе потянутся.

Теперь я то и дело выезжаю на Зайчике, держа амулет-копалку в опущенной руке, проношусь по обочинам дорог, возле приметных утесов и одиноко стоящих древних деревьев. Люди везде одинаковы: домохозяйки прячут деньги в бельевом шкафу между третьей и четвертой стопкой белья, семьдесят процентов юзеров Инета ставят пароль «123456...», а клады закапывают возле приметных утесов недалеко от проезжей дороги.

Сэр Растер охнул, когда вечером я вывалил на середину стола кучу сокровищ, где одних золотых монет на два кувшина, а еще множество драгоценнейших женских украшений.

— Где вы отыскали?

— По дороге к тоннелю, — объяснил я. — Валяется по дороге, коню пройти мешает! Думаю, надо собрать, а то копыта надколет. Хоть, правда, бабки и высокие.

Он посмотрел вытаращенными глазами.

— Что, прямо на дороге золото?

— Я езжу только прямыми дорогами, — ответил я уклончиво. — Как ворона летит! Бог меня любит, как видите. Как Верховный Паладин ме-е-е-лкого такого паладина. И помогает. Если бы я просил на пропой, думаете, послал бы такое богатство? Самого бы послал, еще бы и наподдал в шею.

Он посмотрел опасно вверх, словно ожидал увидеть во всем грозном блеске Небесного Паладина, но взгляд уперся в неотделанный свод, крепкий, как Хребет.

— Вы завтра собирались осматривать место...

— Не стесняйтесь, — сказал я благожелательно, — да, осматрю место, откуда начну рыть. Тоннель. Даже — Великий Тоннель. Или Туннель. Кому как нравится, я демократ. Клич я уже бросил...

— Думаете, много народу откликнется?

— Я обещал платить хорошо.

Он подумал, согласился:

— А-а-а. Если еще и платить будете, тогда откликнется много. Прокачусь-ка я с вами!

Я удивился:

— Сэр Растер! А как же насчет попить?

Он сказал значительно:

— Пир — святое дело! И самое главное. После походов и битв, конечно. А мы с вами сделаем вид, что в походе. Не зря же вы решили копать этот чертов тоннель?

— Не зря, — согласился я.

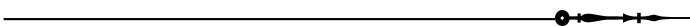
— Хитрый вы, сэр Ричард! Настоящий правитель.

— Спасибо на добром слове. Хорошо, только я встаю рано.

Он хохотнул.

— Не раньше меня.

Утром я вскочил пораньше, в окна вливается тугими вол-

нами очень уж бодрящая свежесть, просто чересчур, пупырышки по всему телу. Ступни промахнулись мимо кожи на полу, кожу ожег холодный, как лед, камень. Оделся торопливо, в окно видно, как двое вытаскивают бадью из колодца, проползла подвода, полная желтых голов сыра...

Я высунул голову из окна как раз в момент, когда из конюшни неторопливо вышел сэра Растер. На пороге вспыхнул, словно направил десятки зайчиков мне в глаза, доспехи всегда держит начищенными. За ним топает оседланный брабант, спокойный и невозмутимый, как плато, на котором стоит крепость.

Я не успел отскочить от окна, Растер заулыбался и помаhal рукой.

— А вы в самом деле ранняя пташка, — крикнул он жизнерадостно. — Я тут заодно покормил и вашего Зайчика.

— Совсем разбалуете, — откликнулся я. — Знаю, что таскаете ему тайком...

— Ну что вы, сэра Ричард! — воскликнул он сконфуженно.

— Знаю-знаю, — сказал я ворчливо.

Кое-как одевшись, перевязь с мечом нацепля уже на ходу, я выскочил из покоев. За мной вприпрыжку бежали пажи и оруженосцы, стараясь одеть лорда, будто я калека. Я отмахивался, приводя всех в недоумение: в чем другие видят знаки престижа и высокого положения, я вижу совсем другое. Еще бы инвалидную коляску притащили.

Наши кони бодро вынесли нас за ворота, Бобик ликующе бежит впереди, часто с надеждой оглядывается на Растера. С утра солнце палит сильнее, чем на Юге, зеленая долина неуловимо быстро перешла в каменистое плато, а оно сменилось сухим песком. И хотя далеко на горизонте видны зеленые холмы, но здесь раскаленные пески, ветер усиливается, я чувствовал, что поднимается буря.

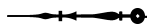
Растер тоже тревожно оглядывался, но голос его прозвучал бодро:

— Нам вот только добраться до тех отрогов...

— И что?

— Там всегда затишье!

Я смерил взглядом расстояние, совсем близко, а за спиной уже небо красное и тяжелое от тучи песка.

— И что, в самом деле?..

— Увидите!

Его брабант идет тяжелым, но рассчитанным на долгую дорогу галопом, вынослив, как жилистый черт, Бобик убежал далеко вперед, Зайчик держится близ коня Растера, ревниво сравнивая высоту его холки со своей.

За спиной туча становилась все ближе и ужаснее. Я чувствовал ее тяжесть, пригнулся к конской гриве, рядом точно так же наклоняется Растер, но лицо спокойное, а потом он распрямился, его брабант перешел на шаг, хотя все еще не в мыле.

Я оглянулся, туча не только осталась позади, но и как будто начала рассеиваться, подобно стае саранчи. Растер не оглядывается, все знает, больше зыркает по сторонам, неожиданностей не любит, хотя чего ж тогда напросился со мной, странное это существо — человек...

Дорога резко вильнула в сторону. Я очнулся от дум, повернул голову, но в той стороне ни обрыва, ни высоких скал, ни опасного скопления деревьев...

Растер ухмыльнулся.

— Не там ищите, сэръ Ричард!

— А где искать? — спросил я.

Он кивнул в сторону, на то место, которое объезжаем так старательно.

— Отсюда плохо видно. Вон вскарабкаемся на тот холмик, оглянетесь... Красота.

— А отсюда нельзя? — спросил я.

— Можно, — ответил он, — только рассмотрите плохо...

— Большое видится на расстоянии? Ладно, а если поеду напрямик?

Он пожал плечами.

— Приедете быстрее.

— Так почему же...

Он снова пожал плечами.

— Одни верят в дурные приметы. Другие... так, на всякий случай. Долго ли объехать?

Я дождался, когда дорога взобралась, правда, не на холм, но все же в высокую развилку между холмами, повернулся в седле. Сердце охнуло и остановилось.

Гигантская зеленая фигура лежащей на боку женщины метров так сорок-пятьдесят в длину, пропорциональная, юная, каждая деталь проработана с такой тщательностью, словно все высечено из зеленого мрамора, даже блеск вижу, хотя налетел ветерок, по зеленой коже прошло движение, и я потрясенно понял, что это создано из растений. Ну как садовники подстригают кусты в виде шаров, а кто поискуснее — в образе птиц, животных...

— Это... что же... — прошептал я, сглотнул слюну и уточнил: — Как давно?

— В точку, — ответил Растер грустно. — Никто не знает.

— То есть...

— Да, сотни лет проходят, а то и тысячи, по этой долине проносилась тяжелая конница, вбивая в землю все, даже камешки, но через несколько дней... это вот... оживало...

— А почему заброшено? Такая красота!

Он пожал плечами.

— Сэр Ричард, людям корм добывать надо, а не красотничать. Красота — это... когда всего в избытке. Каждый в первую очередь опасается, а не будет ли худа? Потому и обходят на всякий случай.

Я еще оглядывался, но мы въехали в лес, Растер весел и разговорчив, восхищался птичками, спрашивал, как мне вот эти зяблики или эти дрозды, а я кивал и говорил по-гроссграфьи солидно, что да, замечательно. Я вообще-то из всех птиц знаю воробьев и голубей, да еще видел уток с утятами как-то в пруду, моя подружка даже булку щипала и бросала им. Но, оказывается, в лесу живут скопа, сапсан, стрепет, филин, совы, сычи, пустельга, балабан, красавка, а за лесом в кустах, а то и прямо на земле гнездятся дрофы, кроншнепы, байбаки, луни, цапли... если я ничего не попутал, потому что сэр Растер сыпал названиями, а я даже не соображал, о птицах говорит или о каких-то сусликах.

Все это, оказывается, что-то предсказывает своим чириканьем и возней: засуху, дожди, сильный ветер, неурожай, мор, войну и многое другое, нужно только уметь слушать, а сэр Растер умел, умел, и всю дорогу толковал, что ждет Армландию. Я слушал невнимательно, Армландию ждет лишь то,

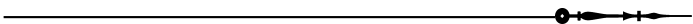
Оглавление

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	69
Глава 9	77
Глава 10	86
Глава 11	92
Глава 12	97
Глава 13	104
Глава 14	111
Глава 15	121
Глава 16	129

ЧАСТЬ 2

Глава 1	139
Глава 2	148
Глава 3	160
Глава 4	167
Глава 5	172
Глава 6	183
Глава 7	193
Глава 8	202

Глава 9	208
Глава 10.	219
Глава 11.	226
Глава 12.	233
Глава 13.	243
Глава 14.	253
Глава 15.	265
Глава 16.	272
Глава 17.	279
Глава 18.	290
Глава 19.	299

ЧАСТЬ 3

Глава 1	304
Глава 2	312
Глава 3	320
Глава 4	327
Глава 5	335
Глава 6	343
Глава 7	349
Глава 8	357
Глава 9	365
Глава 10.	373
Глава 11.	384
Глава 12.	395
Глава 13.	402
Глава 14.	412
Глава 15.	419
Глава 16.	430